

Человеческие жертвоприношения в индуизме

Первой человеческой жертвой в истории индуизма был первочеловек Пуруша. В «Ригведе» — одном из древнейших в мире религиозных текстов, составленном во втором тысячелетии до н.э. — рассказывается о том, как боги, садхья (низшие боги) и риши (божественные мудрецы) принесли Пурушу в жертву и сотворили из него весь ныне существующий мир.

Когда боги предприняли жертвоприношение
С Пурушей как с жертвенным даром,
Весна была его жертвенным маслом,
Лето — дровами, осень — жертвенным даром.

Его как жертву кропили на жертвенной соломе,
Пурушу, рожденного в начале.
Его принесли себе в жертву боги
И те, что садхья и риши.

Из этой жертвы, полностью принесенной,
Было собрано крапчатое жертвенное масло.
Он сделал из него животных, обитающих в воздухе,
В лесу и тех, что в деревне.

В одном из гимнов «Ригведы» подробно описывается, как из частей тела первочеловека были созданы четыре варны индийского кастового общества: брахманы, естествовенно, родились из головы Пуруши, раджаньи, или воины-кшатрии,—из рук, торговцы-вайшьи — из бедер и, наконец, слуги-шудры —из ног. Из остальных частей тела были созданы небо, солнце, земля, ветер и прочие полезные элементы бытия. Из пупа возникло воздушное пространство, из уст — боги Индра и Агни. Не пропал даром и дух Пуруши, из которого, как ни странно, сделали такое материальное тело, как луна. И, наконец, из его уха, напротив, были созданы столь абстрактные понятия, как стороны света. Кроме того, из этого жертвоприношения произошли и другие нематериальные реалии, хотя из каких именно органов Пуруши они были созданы, не уточняется:

Из этой жертвы, полностью принесенной,
Гимны и напевы родились,
Стихотворные размеры родились из нее,
Ритуальная формула из нее родилась.

Поскольку еще раньше Пуруша позаботился о том, чтобы родить собственную мать, то на этом акт творения мира можно было считать законченным: «Так они устроили миры». Сам Пуруша был сожжен на жертвеннике, причем в жертву он был принесен самому себе.

У него было семь поленьев ограда (костра),
Трижды семь были сделаны как дрова (для костра),
Когда боги, совершая жертвоприношение,
Привязали Пурушу, как жертвенное животное.

Жертвою боги пожертвовали жертве.
Таковы были первые формы жертвоприношения.

С тех пор человеческое жертвоприношение, совершенное по обрядам ведической религии (раннего этапа развития индуизма), называлось у индусов «пурушамедха».

Индуизм знал и другого бога, который тоже участвовал в творении мира. Этим богом был Праджапати, которого иногда отождествляли с Пурушей. Праджапати хотя и не был принесен в жертву в буквальном смысле слова, но тоже пострадал во время акта творения:

«Когда Праджапати испустил из себя живые существа, суставы его были расчленены. Ведь Праджапати — это Год, и суставы его — это сочленения дня и ночи (т. е. заря и сумерки), полная луна и новая луна и начала времен года. Лишенный суставов, он не мог подняться, и боги вылечили его с помощью агнихотры, скрепив его члены».

«Агнихотра», посредством которого был спасен истощенный творением бог,— это огненное жертвоприношение, совсем не обязательно человеческое (сегодня оно обычно совершается молоком). Но для того, чтобы выполнить этот обряд, нужно было построить алтарь, т.е. совершить еще один сложный ритуал под названием «агничаяна». Собственно, Праджапати с этим алтарем и отождествлялся, и жрецы, складывая алтарь из обязательных 10800 кирпичей, тем самым ритуально собирали самого занемогшего бога. Алтарь мог иметь форму птицы — это символизировало восхождение жертвователя к небу. А в честь той жертвы, которую когда-то принес миру Пуруша-Праджапати, во время строительства алтаря следовало принести в жертву четырех животных и человека — их головы замуровывали в первой кладке из положенных пяти.

В «Яджурведе» — книге о правилах жертвоприношений — одна из глав посвящена жертвоприношениям человеческим. Благочестивым индусам предписывалось в некоторых случаях приносить в жертву до 184 человек разных сословий и каст. Но эти инструкции в историческое время если и применялись, то крайне редко. Уже в «Шатапатхе-брахмане», ведическом тексте, созданном в начале первого тысячелетия до н. э., пурушамедху называют устаревшим обрядом. Этому, кстати, есть вполне логичное объяснение: ведь среди людей, которых можно и должно было приносить в жертву, Веды называют и брахманов. Поэтому с того времени, как варна брахманов заняла ведущие позиции в обществе, замена реальных жертв на символические была неизбежна.

Известна, например, такая традиция совершения пурушамедхи членами царского дома. Человек — обязательно брахман или кшатрий — покупался за сто коней или тысячу коров. После этого он в течение года оставался на свободе и мог жить вполне привольно, отказывая себе лишь в единственной радости — общении с женщиной. Но по истечении года жертву вместе с многочисленными животными убивали, и царица совершала имитацию полового акта с его трупом. Этот ритуал, в котором убитый брахман уподоблялся божественному Пуруше, должен был способствовать благосостоянию и процветанию всего государства.

Обряд пурушамедхи описывается примерно в таком виде в целом ряде сутр, но лишь две из них рекомендуют действительно убить злополучного брахмана. Остальные позволяют заменить его в последний момент жертвенным животным и отпустить на волю.

История не сохранила ни одного случая, когда этот ритуал проводился бы с реальным убийством человека. Но существует очень близкий обряд, который действительно проводился неоднократно и в котором вместо человека с самого начала используется конь. Обряд этот назывался «ашвамедха», и совершать его имел право только царь. Избранный им конь в течение года гарцевал на свободе (его лишь оберегали от общения с кобылицами), причем сам царь и его дружина должны были следовать за животным, принимая изъявления покорности от местных владык или завоевывая их земли. Завершался год сложным ритуалом, включающим убийство коня (на что должно было получить его согласие) и ритуальную близость царицы с его трупом. Потом коня рассекали на части, поджаривали и предлагали различным божествам. Жрецы при этом обряде в отличие от пурушамедхи не только оставались живы, но и получали в качестве награды женщин из царского гарема. Ритуал этот считался очень значимым. В «Шатапатхе-брахмане» говорится: «На самом деле ашвамедха — это все, и тот, кто, будучи брахманом, не знает ничего об ашвамедхе, не знает ничего ни о чем, это не брахман, и он заслуживает того, чтобы его лишили достоинства».

Но если практика индийских культов в основном отошла от человеческих жертвоприношений ещё в глубокой древности, то в эпосе эта тема освещается часто и подробно, причём не является особой редкостью и добровольное принесение себя в жертву — такие жертвы приносили не только люди, но и существа сверхъестественные. Так, в «Рамаяне» описывается судьба нечестивого царя демонов-ракшасов Раваны, который возмечтал сравниться могуществом со своим сводным братом Куберой. Для того чтобы достичь совершенства, Равана постился тысячу лет, а потом сжег в качестве жертвы все десять своих голов, не оставив ни одной. Впрочем, ему недолго пришлось оставаться безголовым — восхищенный его подвигом Брахма не только вернул подвижнику все его

головы, но и даровал неуязвимость от богов и демонов, а еще — способность принимать любой облик по желанию.

В «Матсья-пуране» рассказывается о том, как похожую жертву принес Тарака, сын Ваджранги. Он тоже мечтал о могуществе — оно было необходимо ему для того, чтобы отомстить богу Индре, обидевшему мать Тараки — Варангу. Тарака провел в подвижничестве многие годы. Он поселился в уединенной горной пещере, отказался от пищи и томил свое тело огнем костра и солнечным зноем, а под конец решил принести в жертву Брахме собственное тело. Тарака стал срезать с себя куски плоти и бросать в жертвенный костер. Настал день, когда к ставшему абсолютно бестелесным подвижнику явился сам изумленный Брахма и предложил выбрать любой божественный дар. Сначала Тарака попросил бога о неуязвимости в битвах, но в этом ему было отказано. Взамен Брахма предоставил герою право выбрать себе любую кончину, какую он только пожелает. Тарака подумал, что сумеет таким образом решить вопрос с неуязвимостью, и попросил, чтобы только семидневный младенец мог лишиться его жизни. Желание подвижника было исполнено, но его кровавое жертвоприношение оказалось в определенном смысле бесполезным — Тарака действительно пал от руки младенца. Этим младенцем оказался сын Шивы — бог Сканды, который своей палицей снес с плеч голову героя.

Еще один герой индийского эпоса, царь Харишчандра, упомянутый во множестве литературных источников, тоже пытался снискать расположение богов человеческими жертвами, но в отличие от Раваны и Тараки он собирался возложить на алтарь собственного сына. Разные авторы рассказывают об этом по-разному, но в целом дело обстояло примерно следующим образом.

У царя Харишчандры было сто жен, но ни одна не подарила ему наследника. Харишчандра попросил в этом деликатном деле совета у мудреца Нарады, и тот порекомендовал царю обратиться к богу Варуне и пообещать ему своего первенца в жертву. Царь так и сделал, и вскоре у него родился сын, которого назвали Рохита. Варуна немедленно потребовал от царя обещанной жертвы, но Харишчандра отговорился тем, что даже животных приносят в жертву только через десять дней после их рождения. В названный срок бог вернулся к этому вопросу, но царь заявил, что жертву не принято убивать, пока у нее не прорежутся зубы...

Так тянулось много лет, пока Рохита не вырос и не узнал, какая участь ему уготована. Тогда юноша убежал из дома и целый год скитался в лесу. Когда до него дошел слух, что Варун в отместку за обман наслал на его отца водянку, Рохита хотел вернуться домой и отдаться в руки жрецов, но бог Индра отговорил его, и юноша вернулся в лес. Тем не менее совесть благочестивого юноши была неспокойна, и, когда однажды Рохита встретил нищего брахмана с семейством, он за сто коров купил одного из его сыновей, Шунахшепу, чтобы принести в жертву вместо себя. Варуна согласился, поскольку сам Рохита был всего лишь кшатрием, а взамен предложил брахмана, принадлежавшего к более высокой варне. Недоволен был только Шунахшепа, согласием которого никто не поинтересовался. На его счастье, когда все уже было готово для жертвоприношения, он увидел среди собравшихся своего родственника, мудреца Вишвамित्रу. Юноша бросился к ногам мудреца и умолял его о спасении. Вишвамитра был готов прийти на помощь родичу и предложил своим сыновьям заменить его на алтаре, но те отказались. Возмущенный таким непочтительным отношением к себе отец проклял своих сыновей и решил вопрос иначе. Он поведал Шунахшепе две заветные мантры, обращенные к богине утренней зари Ушас.

Юношу обрядили в ритуальные красные одежды, надели ему на шею венок и привели к жертвенному столбу. Но в эту эпоху (а быть может, в ту эпоху, когда складывался эпос) отношение к человеческим жертвоприношениям в индийском обществе уже было неоднозначным. Во всяком случае, ни один из жрецов не взял на себя смелость собственными руками привязать юношу к столбу — это согласился сделать сам отец Шунахшепы, при условии, что ему дадут еще сто коров в дополнение к уже полученным за сына. Коровы были обещаны, и отец привязал сына ритуальной веревкой, сплетенной из священной травы куша. Та же история повторилась, когда пришло время самого жертвоприношения, и снова отец согласился взять на себя эту миссию еще за сто коров.

Но дело кончилось самым благополучным образом. Когда отец с остро отточенным ножом уже приближался к сыну, тот взмолился богине Ушас, и веревки спали с него одна за другой, а заодно и царь избавился от водянки. Все возликовали. А мудрый Вишвамитра, проклявший своих сыновей, усыновил спасенного Шунахшепу и воспитал из него мудреца, не менее знаменитого, чем он сам, и великого знатока жертвоприношений — эта тема была юноше знакома не понаслышке.

История, во многом похожая на предыдущую, как сообщает «Махабхарата», произошла со славным царем по имени Сомака. У него было сто жен, но ни одного наследника. И вот, когда царь был уже немолод, долгожданный сын появился на свет. Мальчику дали имя Джанту, он рос в любви и неге, и все сто царских жен о нем заботились... Несчастье произошло от того, что мальчика укусила муравей. Ребенок заплакал и успокоился, но царь, который не сразу понял, в чем дело, страшно разволновался. А когда он понял, что ничего страшного не произошло, то разволновался еще больше. Ведь если жалкий муравей заставил его так испугаться за сына, что же будет, когда мальчику станет угрожать настоящая опасность! Царь подумал, что лучше совсем не иметь детей, чем иметь одного ребенка, за которого постоянно волнуешься. Но он был уже стар, и надежды на новых детей у него не было...

И тогда верховный жрец объявил Сомаке, что знает средство для обеспечения многодетности. Он предложил ему принести в жертву своего единственного сына и пообещал, что жены царя, вдохнув запах горящего жертвенного мяса, немедленно забеременеют. А сожженный мальчик обретет новое рождение в чреве своей матери, и его нетрудно будет узнать по золотой родинке на спине.

Царь, несмотря на дружное сопротивление всех ста своих жен, так и сделал. Жрец не обманул Сомаку, и вскоре у него действительно родилось сто сыновей, причем один — с золотой родинкой на спине. Его снова назвали Джанту, объявили наследником, и все царские жены любили его больше своих собственных детей. На этом история, произошедшая, возможно, в конце второго — начале первого тысячелетий до н. э., могла бы иметь счастливый конец. Но к тому времени, когда она вошла в состав «Махабхараты», взгляды индийцев в отношении человеческих жертвоприношений уже не были столь терпимы. Основная редакция «Махабхараты» была записана во втором веке до н. э., а современный вид эпос приобрел к пятому веку н.э. Но даже и в седьмом веке до н.э., когда была записана первая версия поэмы, оставить безнаказанным жертвоприношение ребенка уже было трудно. Поэтому, несмотря на явный «хэппи-энд», оба инициатора ритуала понесли заслуженную кару. Сначала умер жрец. Потом умер и царь — впрочем, оба были уже немолоды. Но когда Сомака, направляясь в «воинский рай» бога Индры, проходил через загробные владения подземного бога Ямы, он увидел там своего советчика — верховного жреца, горящего в огне. Жрец поведал, что терпит это наказание за подстрекательство к человеческому жертвоприношению. Тогда Сомака, который тоже чувствовал за собой вину, решил разделить мучения жреца и остался в аду. Впрочем, в конце концов оба грешника очистились от скверны, и бог Яма отпустил их на небо.

В рамках основных направлений брахманизма, который пришел на смену древней ведической религии в первые века первого тысячелетия до н. э., человеческие жертвоприношения не были приняты. А царь Ашока, в третьем веке до н. э. объединивший под своей властью большую часть Индии, запретил использовать в качестве жертв любые живые существа, поскольку он был активным проповедником буддизма. Впрочем, в первые годы своего правления царь не отличался кротостью нрава. Так, он объявил войну государству Калинга и после ее успешного завершения сообщил в специальном эдикте, что убил сто тысяч человек и взял в плен еще сто пятьдесят тысяч. Но пройдя по местам сражений и увидев собственными глазами результаты своей внешней политики, царь устыдился. После чего его правление действительно носило самый гуманный характер.

Ашока не только прекратил кровавые жертвоприношения, но и составил список охраняемых животных. Он запретил бесцельное выжигание лесов и охоту ради удовольствия. Царь направил много сил и средств на развитие медицины и ветеринарии и своих подданных старался наставлять на путь гуманизма. Он писал: «Основываясь на дхарме, я повелел защищать животных и многое другое. Но именно благодаря переубеждению в народе возросла дхарма не убивать живых существ и не вредить им». Царь строил больницы, бесплатные гостиницы и школы, запретил использовать людей на принудительных работах. Он создал нечто вроде института правозащитников — «махаматры», которые следили за соблюдением принципов гуманизма по всей стране, в частности, инспектировали тюрьмы. Ашока писал: «...Они следят за достойным содержанием заключенных и их освобождением, и если махаматры считают: «Этому необходимо содержать семью», «Этого оговорили», «Этот стар», то они следят, чтобы таких заключенных освободили».

Власть Ашоки — главы Маурьев — простиралась на огромную территорию от Индийского океана до вершин Гималаев. Но начинания императора не были поддержаны его наследниками, а в начале второго века империя Маурьев пала, и страна разделилась на отдельные царства, в каждом из

которых были свои религиозные традиции и свои представления о гуманности. И несмотря на то что и основные направления индуизма, и появившийся в шестом веке до н.э. буддизм, и ислам, массово пришедший на территорию Северной Индии в двенадцатом веке, категорически не признавали человеческих жертвоприношений, они продолжали совершаться отдельными племенами и сектами.

Племена нага, населяющие горы Северо-Восточной Индии, славились как охотники за головами. Головы играли в культовой жизни нага большую роль, поэтому нага не только вели множество войн, но и затевали постоянные стычки между деревнями и даже между кварталами внутри одной деревни. Целью всех этих усобиц были прежде всего головы, причем не обязательно врагов. Голова была магическим амулетом и «работала» совершенно независимо от того, принадлежит она воину или женщине, добыта в честном бою или при нападении на спящего ребенка. Каждая голова обеспечивала воину и благоволение богов, и уважение соплеменников, и внимание девушек; она охраняла его от болезней, оберегала от несчастий, приносила богатство. Поэтому за головами тщательно ухаживали: их торжественно помещали в специальные хранилища или нанизывали на ветви деревьев-идолов. У некоторых нага существовал обычай угощать головы рисовым пивом.

Еще один вид ритуальных убийств описывает Фрэзер в своей «Золотой ветви»:

«По сообщению одного старого путешественника, в провинции Кучлакар «есть языческий храм, а в нём находится высокочтимый идол; раз в 12 лет в его честь устраивается роскошное пиршество, нечто вроде юбилейного торжества, на которое созываются все здешние язычники. Этот храм владеет большим количеством земли и получает значительные доходы. Местный царёк управляет провинцией не более двенадцати лет, то есть от одного праздника до другого. Когда этот период подходит к концу, на праздник собираются несметные толпы людей, и большие деньги тратятся на угощение брахманов. Для царька воздвигается деревянный помост, задрапированный шёлковой тканью. В день торжества под звуки музыки он в сопровождении пышной процессии отправляется к водоёму, чтобы совершить омовение, после чего молится в храме местному божку. Затем царёк на глазах собравшихся поднимается на помост, берёт острый нож и начинает отрезать себе нос, губы, уши и остальные мягкие части тела. Отрезанные куски он поспешно отбрасывает, пока не начинает терять сознание от потери крови. В заключение он перерезает себе горло. Таков обряд принесения жертвы местному божку. Будущий преемник правителя должен находиться в толпе зрителей и оттуда взойти на трон».

У народности хондов долгое время существовал обряд добровольной жертвы, направленной на повышение урожая. Община покупала согласие человека умереть, а иногда родители продавали для этой цели ребенка, после чего он мог долгие годы жить и даже жениться и иметь детей. Но когда возникала необходимость позаботиться об урожае, жертву освящали, отождествляя ее с божеством, а потом опаивали опиумом и удушали. Тело жертвы разрезали на множество кусков, которые закапывали в землю по всем окрестным полям.

Человеческих жертвоприношений требовала от своих почитателей богиня Коттравей, культ которой постепенно объединился с культом Дурги, супруги Шивы. Написанная в пятом веке н. э. в Южной Индии «Повесть о браслете» рассказывает о том, как воины сами отрубали себе головы и бросали их на жертвенник, предварив это действие словами: «Вот наш жертвенный долг! Прими кровь, струящуюся из горла, как плату за победоносную силу!»

В Северо-Восточной Индии богине Дурге тоже приносились добровольные жертвы. Тем, кто высказывал желание умереть во имя богини, воздавали божественные почести. Князя награждали их богатыми подарками и допускали в свой гарем, а жены считали для себя великой честью отдаться человеку, посвященному богине. В день церемонии назначенного в жертву человека облачали в великолепные одеяния, умащали красным сандалом и украшали цветами, а потом, после медитации и пения мантр, отсекали ему голову. Голова жертвы помещалась на золотом подносе возле статуи богини, а тело, приготовленное соответствующим образом, съедалось жрецами, раджой и его приближенными. Последняя известная попытка такого жертвоприношения состоялась в 1832 году. Жрецы не смогли найти добровольца и решили заменить его принудительной жертвой. Но похищенный ими человек успел бежать и сообщить обо всем британским властям. После чего раджа был смещен, а ритуал прекратился.

Кали, одной из ипостасей Дурги, тоже продолжала требовать человеческих жертв уже тогда, когда другие боги Индии от них отказались. Имя Кали в переводе означает «черная». Легенда гласит, что она появилась на свет из лица Дурги, почерневшего от гнева. Поскольку и сама Дурга кротостью

не отличается, то Кали тем более стала олицетворением зла. Обычно ее изображают одетой в шкуру пантеры, с ожерельем из черепов. В одной из четырех своих рук она держит человеческий череп или отрубленную голову, в других руках у нее — меч или жертвенный нож; из раскрытого рта свисает окровавленный язык.

Средневековые индийские бандиты туги, или таги, посвящали богине Кали свои грабежи, совмещая таким образом профессиональные занятия с богоугодным делом. Чаше всего туги грабили караваны и убивали путешественников. Тела они закапывали ритуальной лопатой, а ценности брали себе. Трудно сказать, что было первично в деятельности тугов, религия или жажда наживы. Но в тридцатые годы девятнадцатого века английские власти Индии положили конец их активности или по крайней мере свели ее к минимуму. Книга рекордов Гиннеса утверждает, что на совести тугов лежит около двух миллионов смертей.

В сегодняшней Индии Кали — не самая популярная богиня, центром ее культа считается Бенгалия. Там стоит посвященный ей храм Калигхата, в честь которого названа столица страны (в европейском произношении — Калькутта). Но человеческие жертвоприношения давно заменены жертвоприношениями животных (правда, очень массовыми). В самой же Индии кровавые жертвоприношения стали скорее исключением. Убийства коров, которые некогда считались самой угодной богам жертвой, давно запрещены или ограничены законом в большинстве штатов Индии.

Одним из самых массовых видов ритуального убийства, точнее, самоубийства, в Индии был обряд «сати» — сожжение вдовы на погребальном костре мужа. Первой женщиной, совершившей самосожжение и давшей имя страшному обряду, была Сати, дочь Дакши, жена бога Шивы. Отец Сати обидел ее мужа, отстранив его от жертвоприношения, и оскорбленная женщина бросилась в священный огонь и сгорела. К похоронам мужа эта история не имела никакого отношения: Шива остался жив-здоров и долго скитался по миру с обгоревшим телом жены, пока другой бог, Вишну, не разрубил останки на множество кусков и не разбросал по миру, создав тем самым места паломничества. Спустя некоторое время Сати возродилась под именем Парвати, снова стала женой Шивы, и все были счастливы. Но почему-то эта история, никак не связанная с заупокойными жертвоприношениями, легла в основу ужасной традиции.

Этот обычай упоминается еще в «Ригведе» — древнейшем памятнике индийской литературы. Но некоторые комментаторы оспаривают подлинность текста, предписывающего женщине всходить на погребальный костер мужа. Существует мнение, что в свое время «Ригведа» рекомендовала вдове после похорон мужа отправляться в «дом», но одну согласную букву в этом слове заменили, в результате чего «дом» превратился в «костер». Так чья-то ошибка, вольная или невольная, стоила жизни многим тысячам женщин. Впрочем, священные тексты, написанные позднее, поддержали нарождающийся обычай. Например, «Вишну смрити» (написанный, по-видимому, в середине первого тысячелетия) рекомендует (впрочем, не настаивая) вдове совершить сати: «Когда умирает муж, ей следует сохранять целомудрие или подняться на его погребальный костер». Другой канонический текст, «Гаруда-пурана», сулит женщине, которая умрет вместе с мужем, столько же лет райской жизни, сколько волос у нее на голове. Впрочем, «Вишну-смрити» обещает: «Добродетельная жена, пребывающая в целомудрии после смерти мужа, даже не имея сыновей, попадет на небеса».

Несмотря на прямые указания священных текстов, в древности обряд сати не получил массового распространения. Он упомянут в эпических поэмах, которые, конечно, основаны на каких-то реальных событиях, но все же не являются историческими документами.

Одним из первых бесспорных свидетельств о совершении сати считают надпись, вырезанную на колонне близ Сагара (штат Мадхья-Прадеш) в 510 году от Р.Х. Она гласит:

«Сюда пришел Бханугупта, храбрый из смертных, великий царь, смелостью равный Арджуне, и сюда последовал за ним Гопараджа, как друг следует за другом. Он сражался в великой и славной битве и отошел на небо, бог среди вождей. Его жена, преданная и любящая, любимая им и прекрасная, последовала за ним в пламя костра».

Во втором тысячелетии сати принимает массовый характер. Добровольность сменяется принуждением — хотя силой женщину на погребальный костер не волокли, но это считалось ее моральным долгом, этого ждали от нее родственники. Жизнь вдовы, которая оставалась в живых после смерти мужа, была в Индии совершенно невыносима. Религиозные законы индуизма запрещали ей повторное замужество. Наследства после мужа она не получала и зависела только от благотворительности его родственников, которые считали предательницей вдову, отказавшуюся

идти вслед за покойным. Традиция запрещала вдове носить украшения, посещать храм, выходить на улицу, обедать за одним столом с семьей. Считалось, что вдова приносит несчастье всем, кто общается с ней и живет с ней под одним кровом. Кроме того, и сама смерть мужа была, в определенном смысле, на ее совести: ведь у хорошей жены боги мужа не отберут. Даже если женщина не была замечена ни в каких провинностях, значит, она грешила в прошлой жизни... Только сати могло снять с нее вину и обеспечить и ей, и ее мужу, и другим родственникам хорошую карму и загробное благополучие.

Существуют два вида сати. При «саха-марана» (смерть вместе) женщина сжигает себя на погребальном костре мужа. Но если в этот день ритуал для нее невозможен из-за менструальной нечистоты или беременности, она может совершить его в течение четырех последующих месяцев. Тогда он будет называться «ану-марана» (смерть в одиночку). Кроме того, в некоторых районах Индии, где не была принята кремация, вдова могла живой лечь в могилу своего мужа, и ее хоронили вместе с ним.

Чаще всего индийские женщины совершали «саха-марану». После того, как решение о сати было принято, вдова получала особую власть над окружающими. Все ее желания исполнялись. Ее проклятие считалось особенно действенным. Но пути назад у женщины уже не было. В назначенный день, в окружении толпы родственников, она шла к водоему, на берегу которого складывали погребальный костер. У раджпутов ее сопровождали воины с обнаженными саблями: с одной стороны, это был почетный эскорт, с другой — символ неизбежности ее смерти. Возле костра вдове давали выпить напиток из сушеных пестиков шафрана, который должен был хоть немного притупить боль. Иногда женщина прыгала в костер с помоста после того, как огонь разгорался. Чаще она садилась рядом с телом мужа, и ее приковывали цепью, чтобы она, загораясь, не выскочила из костра. Если это все-таки случалось, ее шестами заталкивали обратно.

Но далеко не все женщины совершали сати, принуждаемые к этому родней и обстоятельствами. Многие действительно видели в этом свой духовный долг. Особенно строго соблюдали обычай сати женщины, принадлежавшие к воинскому сословию раджпутов. Поскольку раджпуты жили в состоянии постоянных войн и далеко не всегда тело воина, погибшего в битве, удавалось должным образом похоронить, в замках раджпутов существовали специальные залы с гигантскими очагами по два-три метра в диаметре. Здесь совершали самосожжение жены воинов, погибших и похороненных вдали от дома.

Здесь же сгорали женщины, чьи мужья принимали решение погибнуть в жертвенной битве «шака», — воины клана, проигравшего войну и осажденного врагами в родовой крепости, распахивали ее ворота и в праздничной одежде выходили на последний, действительно смертный бой. Решившись на «шака», раджпуты знали, что победители, связанные традицией, не причинят вреда детям побежденных и не посягнут на их владения. Но зато, даже победив в «шака», раджпуты, согласно ритуалу, не могли остаться в живых — они сражались друг с другом, а последний уцелевший кончал жизнь самоубийством. А в это время в пламени костров, не дожидаясь гибели мужей, сгорали их жены. При обороне Читора от войск Бахадур-шаха в 1535 году сожгли себя пятнадцать тысяч раджпутских женщин...

В первой половине четырнадцатого века группа французских миссионеров отправилась в Индию проповедовать слово Божие. Один из них, Журден де Северак, потрясенный экзотической страной и ее удивительными нравами, написал книгу «Чудеса, описанные братом Журденом из ордена проповедников, уроженцем Северака и епископом города Колумба, что в Индии Наибольшей». Он сообщает:

«В этой Индии, когда умирает сколько-нибудь знатный муж, а также люди, чем-либо владеющие, то тела их сжигают; при этом жены устремляются за мужьями в пламя; ради славы мирской, любви к супругу и вечной жизни они сжигают себя вместе с мужьями и с такой радостью, как будто идут к венцу. И те, которые так поступают, слынут здесь наидостойнейшими и наилучшими женами. Удивительно это! И не раз на моих глазах во след одного-единственного мертвеца бросались в огонь и гибли пять жен».

На рубеже восемнадцатого и девятнадцатого веков грузинский дворянин Рафаил Данибегашвили, совершавший путешествие по Индии, стал свидетелем обряда сати:

«Отправившись отсюда, через 40 дней прибыл я в город Норпор или Фар, лежащий на горе. Первое зрелище, представившееся мне при въезде моем в сей город, было самое печальное и трогательное. Умер один идолопоклонник — надобно было сжечь его. Вот какая бывает при сем

церемония: положив труп умершего в довольно украшенный гроб, понесли в определенное для сожжения по их обычаю место. Покойный имел двух жен, которые, будучи одеты в великолепное и драгоценное платье, шли за гробом мужа своего. Как скоро прибыли к назначенному месту, то составили превеликой костер из дров, на который положив шести, положили на них труп умершаго. Как по тамошнему жестокому обыкновению жены из любви к мужу должны добровольно отдаться вместе с ним на жертву огню, для того сии две богато одетые женщины сели по обоим сторонам мужа их на костер. Жрецы, полив на всех трех довольно масла и других горючих веществ, вдруг зажгли костер со всех сторон, и сии две невинные жертвы, вместе с трупом мужа их, соделались добычею огня. Окружавшие пылающий костер люди начали играть на разных инструментах и играли до тех пор, пока он с сими несчастными не превратился в пепел. Но жены могут и не исполнять сего бесчеловечного обряда; их даже уговаривают родные и знакомые остаться живыми или для детей, или для достатка, оставленного мужьями. Но ежели оне уже решатся, уже приближаются к пламени, с намерением броситься на оной, и, почувствовавши ужас, захотят возвратиться, то окружающие костер приставы угрожают им другой смертью — от сабельных ударов, которых в таком случае несчастные не избежали бы, как недостойные жизни».

Журнал «Московский телеграф» писал в 1826 году: «Известен ужасный обычай Индиянок, Брамаиской веры; оне должны сжигаться с мужьями, если их переживут; бесчестие и посрамление падает на ту женщину, которая откажется от сей ужасной жертвы, и никакие убеждения, никакие средства не могут остановить страшного обряда. Англичане решились наконец препятствовать этому силою. Из одиннадцати десяти сожжений успевают они остановить, и за всем тем, в 1823 г., в Бенгале сожглось 575 женщин, в том числе 109 более 60 лет, 226 от 40 до 60, 208 от 20 до 40 и 32 менее 20 лет. В Калькутте сожглось в 1819 г. — 650, в 1820-597, в 1821-654, в 1822-583, в 1823-575. Величайшая пошлость не останавливает Индийцев: оне продают последнее для получения дозволения. Решительно остановить Индийцев не смеют, ибо опасаются, что это возмутит их, а от предосторожностей правительства оне употребляют всякие ухищрения».

Пришедшие в Индию англичане действительно не решились сразу пресечь страшный обычай, как, впрочем, и другие человеческие жертвоприношения, которые хотя и не слишком часто, но совершенно открыто совершались на берегах Ганга.

Попытки запретить или хотя бы ограничить их сталкивались с сопротивлением местного населения, которое видело в этом самоуправство завоевателей. Кампания против сати включала лекции и статьи, беседы проповедников...

От женщин, объявивших о намерении совершить сати, требовали подписания документов о том, что они делают это по собственной воле. Постепенно в одном штате за другим вводились законы о запрещении сати. Индийцы оспаривали этот запрет в судебном порядке.

В сегодняшней Индии существует закон, по которому судебная ответственность грозит абсолютно всем участникам и даже свидетелям церемонии, в том числе и самой вдове (если она останется жива). Тем не менее даже в наши дни женщины все еще совершают ритуал сати. Как правило, становится известно о нескольких случаях в год, но на самом деле далеко не все они делаются достоянием гласности. О них напоминают только стелы с глиняными слепками ладоней или камни с высеченными на них женскими руками. Каждая такая рука — память о женщине, которая на этом месте живой взойшла на костер мужа.

Олег Ивик. История человеческих жертвоприношений. Изд.: Ломоносовъ. М. С.45-61.